

Саша Маршалик

Замрут часы, и я умру,

или странное счастье Вадика и Нади

Саша Маршалик
Замрут часы, и я
умру, или странное
счастье Вадика и Нади

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29938584
SelfPub; 2018*

Аннотация

История про любовь и предсказания, Зодиак, судьбу и колдунов майя, северных оленей и поросят Парацельса, про эфемериды Ригомонтана и альманахи Нострадамуса, про родные места и далёкие путешествия, а ещё про Новый год и таинственные часы.

Содержание

ПЕРВАЯ	4
ВТОРАЯ	6
ТРЕТЬЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ПЕРВАЯ

Новый год

Под новый год главные городские часы на театральной площади поменяли мелодию. Теперь каждые полчаса играет Щелкунчик, конечно. Пара моих часов лежит в шкафу и ждёт какого-нибудь торжественного мероприятия или собеседования. Когда не нужно пускать пыль в глаза, часов на смартфоне вполне достаточно, только ночью спросонья экран слепит глаза.

Носить на руке приспособление, постоянно тайком подсчитывающее какое-то невидимое, неосязаемое нечто, которого никогда не хватает, и не хватит, это уж слишком беспокоит. Мои часы будут так же исправно и неумолимо отмерять время за закрытой дверью зеркального шкафа, когда не будет меня. Но чье время? Ведь это мои часы, а значит, и время отмеряли моё, а теперь? Тикающее насекомое будет шепуршать шестерёнками, цепляя и утаскивая в бездонную пропасть секунды, минуты и часы абсолютного, не принадлежащего никому, времени. Вечно, жутко. «Вечность» и «я» в одном предложении вызывают ледяной сквозняк и я зябко ёжусь. Лучше не думать об этом.

Приходит новый год часы из дьявольской машины превращаются в таинственный реквизит снежной волшебной сказ-

ки. Для Золушки с двенадцатым ударом чудо заканчивается, а для нас начнётся снова, с первого числа первого месяца нового счастливого года. Главное внимательно вслушиваться и считать удары курантов, и если не упustiшь ни одного, тогда точно сбудется.

Тридцать первого декабря я сижу в аэропорту. Сейчас десять минут двенадцатого – так говорят электронные часы с толстыми цифрами из зелёных горящих точек, где таких только не висело в детстве, – и мой рейс опять задержали. Размышляя, как же я буду считать удары курантов, если придётся встречать новый год в воздухе, я вслушиваюсь в слюнявую пьяную болтовню довольно симпатичного мужика, который толкует мне, что только что проводил своего приятеля и теперь поедет домой встречать новый год со своей невестой.

А я думаю про звон курантов, и представляю, как было бы хорошо сейчас вмиг перенестись через пару тысяч километров и оказаться в двенадцать часов тридцать первого декабря под самыми большими часами и самой высокой ёлкой, на заснеженной, расцвеченной огнями и окружённой силуэтами далеких гор за блестящей рекой, на театральной площади моего родного города.

ВТОРАЯ

Не сегодня

Странный он, этот Вадик, но Надю к нему тянуло магнитом. Он же вообще толком не учится, появляется только на сессию и на курсовые пьянки. И ведь сдаёт же, сдаёт все зачёты и экзамены, в академ ни разу не ходил, Были на первом курсе пара-тройка альфа-самцов, которые хорохорились, пропускали по месяцу, приговаривая «от сессии до сессии». Так вот все в академ и пошли после первого курса, а кого и отчислили, но Вадик – проскочил.

– Он конечно, ничё так-то да? Не дрищ, и не жирный. Фигурка – норм.

– И не воняет от него, кстати, никогда, одеколончик, ботиночки, личико не жирное, голова мытая.

– Да, Танюха, это не твой качок, от которого за километр потищем несёт как от коня.

– Ну, он, не мой, вообще-то.

– Ну, ведь мутили?

– Ага, – Таня спешит сменить тему и объект общего интереса, – а помнишь Надюха, на первом курсе, когда собрались у меня в первый раз, там Вадик ко всем подкатывал, все ржали, помнишь?

– Конечно. «Это судьба!» и так еще в глаза сморит, руку

на плечо положит, лицо серьёзное, сдохнуть можно.

Девочки смеются, и их голоса мешаются в галдящий шум ночного фаст-фуда. Гамбургеры съедены, но картошки и чипсов с пепси ещё много. Сейчас конец декабря, сессия. Фаст-фуд находится в квартале от общаги, и когда мозг после многочасового чтения тетрадей с записками сумасшедших лекций и прослушивания их на телефоне начинает требовать топлива, ноги сами несут к пережаренной картошке и майонезу. Вся измученная экзаменами и тоскующая по отрыву не спящая студенческая публика тусуется в забегаловке у автобусной остановки – после двенадцати ночи тут здравые скидки – и игнорирует фаст-фуд через дорогу с менее гибкой ценовой политикой. Гуляющие обеспеченные граждане зрелого возраста недоумевают, почему жральня с одной стороны дороги забита народом, а вторая такая же, горящая окнами напротив – пустая, и строят предположения о тайных ингредиентах, вызывающих привыкание, и зарекаются позволять своим детям ходить сюда, а дело при этом всего лишь в скидке в пятьдесят рублей, ощутимой для студенческого кармана.

– Вообще ржач, думали, что это он напился просто, ну тогда все перепились, конечно.

– Ну да, перепились от смущения – общий смех.

– Так он так ни с кем тогда и не замутил?

– Нет. Ну, во всяком случае, мне не известно, вы же меня уже допрашивали.

– Да ладно, Надя, он же к тебе подкатывал, вы же потом ушли в приват. Что, хочешь сказать, ничего не было?

– Нет.

Выражения лиц подруг требуют продолжения с пояснениями.

Надя, опустила глаза и потянула пепси через трубочку из бумажного стакана. Стакан сморкнулся, и Надя нехотя по слогам, безнадёжно выдавила:

– Он сказал, что это сакральный акт, и мы к нему ещё не готовы.

Подруги заулыбались и мельком переглянулись, но так, что предмет иронии мог заметить это обидное переглядывание.

– Ну, да вот такой фрукт. Пуля в башке.

– Овощ, точнее.

Все закатились, и Надя тоже, она не обижалась. После паузы, заполненной соленой картошкой и сладкой газировкой, Светка сказала:

– Везение, конечно у него есть. Фэномэнальное! – подруги снова засмеялись, вспомнив препода по высшей математике и его любимое словечко.

– Как он эту сессию сдавал, вообще потрясающе, а ведь ни разу не появлялся.

– Из параллельной девчонки говорят, что он всегда учит только один билет, и ему всегда попадается именно этот билет. Это он им так сказал.

– Как так?

– А вот так.

– Мистика.

– Да он – ведьм!

– Ведьмак.

– Чушь какая-то, это он просто клеил у них кого-то, это чисто везение. О, это же Виктор!

Подруги замолчали и помахали вошедшим в фаст-фуд троим парням одноклассникам, все кроме Танюхи. Один из парней был атлетически сложенный Виктор, с ударением на последний слог, качок, с которым Танюха встречалась полгода назад. Когда три спортивных костюма прошли мимо к линии раздачи, Танюха, которая тщательно выбирала картошку фри подлиннее, нарочно не обращая на них внимания, зажала нос и изобразила отвращение от жуткой вони. Подруги всё поняли и затряслись от смеха.

– Одэколон, Виктор, где ваш одэколон? – вполголоса произнесла Танюха и вдруг стала серьёзной, – вот про везение нашего Вадика. Сегодня же видели?

Конечно, они видели. Почти вся группа была свидетелями стычки между Виктором и Вадимом, которая произошла в очереди на экзамен по философии.

С половины девятого до девяти группа постепенно подгребала к аудитории и распределялась по очереди. Потом сообщая прикинули, сколько времени уходит на подготовку и ответ, и вторая половина очереди рассосалась в буфет и на

улицу, чтобы не торчать перед дверью в душном коридоре битых час или два. Виктор должен был войти в десять тридцать.

Вадик прибежал, запыхавшись, в десять двадцать пять и стал допытывать мандражирующих одноклассников, кто должен пойти на экзекуцию через пять минут. Ему сказали, что Виктор, но он где-то шарится и, скорее всего, пропустит очередь. Тогда Вадик сказал, что он опаздывает и можно, пожалуйста, пожалуйста, вместо Виктора пойдет он, потому что он сильно торопится, с работой заморочки, он подрабатывает, и надо успеть. Манадражирующие соглашались, потому что никто не хочет быть растерзанным на полчаса раньше отмеренного срока, и Вадим с облегчением выдыхает и входит в кабинет ровно в десять тридцать. А ровно через минуту с телефоном прижатым к уху из кабинета вылетает красный профессор философии по фамилии Прострацкий и устремляется в преподавательскую, шипя в трубку: «Мама, если я обещал заехать, я заеду, мы поменяем твой радиоприемник, не волнуйся, у меня сейчас экзамен, потерпи, пожалуйста». Прострацкий, не с первого раза попав ключом в замок, в конце концов, хлопает дверью, и прижавшиеся к стене студенты слышат его глухой крик: «Нет, его поменяют, у меня есть чек, да, у меня есть чек, мама сколько можно!»

Садо-мазохистская семейная разборка продолжается минут пятнадцать. Мать Прострацкого полгода назад вышла на пенсию в звании доктора философии из того же университе-

та, однако исполинский ум и интеллигентность этой уважаемой женщины по иронии судьбы всю жизнь органично сочетались с потребностью ежедневно долбить единственного сына, требуя постоянного внимания к себе.

Пока профессор, проклиная всё на свете, исполнял сыновний долг, ожидающие в коридоре студенты с завистью заглядывали в аудиторию, где их одноклассники остервенело готовились к ответу. У каждого горел экран смартфона с фотографиями страниц учебника, а у кого-то торчал наушник с записанной лекцией. Навыки интернет сёрфинга демонстрировались олимпийские, и списывание шло полным ходом. Звенящая тишина, шуршание ручек по бумаге и пиканье экранной клавиатуры, красные лица, остекленевшие глаза и полуоткрытые рты. Каждый из сидящих в аудитории превратился в строку поиска, в передаточное звено между своим телефоном и листом бумаги. Потееющие руки с бешеной скоростью сдували максимальное количество информации без возможности что-либо осмыслить.

– Ну вы и гады, долбанные везунчики! – если бы подобное произошло в школе, в класс бы полетели бумажки и ручки и отвлекающих реплик было бы больше, чтобы не дать счастливым в полной мере воспользоваться свалившейся удачей. Но сейчас полные сознания своей взрослости студенты престижного ВУЗа должны были ограничиться только парой желчных замечаний.

– Се ля ви, чуваки, да закройте вы дверь, чё вы как эти, –

звучали из аудитории раздраженные голоса, – мы же не специально, просто повезло.

Каждый из оставшихся в коридоре был зелёный ещё и от зависти к Вадиму, который так удачно пролез не в свою очередь, и теперь сосредоточенно сдувал со сфотографированного конспекта ответ про французский экзистенциализм. Все хотели быть на его месте, но больше всех этого хотел опоздавший Виктор, который примчался впопыхах, из курилки, услышав, что «маменькин сынок» заперся в преподавательской, и все, кто успел взять билеты, теперь списывают так, что руки дымятся. Винить нужно было только себя, без профессора он не мог бы взять билет, даже если бы Вадим не занял его место. Но этот чёртов счастливчик! Опять ему повезло, и Виктор злобно заглядывал в кабинет, а потом, когда на него смотрели одноклассники, долбанул пару раз от досады о стену кулаком

Когда доктор и профессор бросили трубки каждый на своем конце провода, и воспитанный философ, сын философа, вернулся в аудиторию, его встретили святящиеся скромной радостью и интеллектом лица. Конечно, все кто готовился к ответу в его отсутствие, получили как минимум четвёрки.

– Ты чего полез без очереди? – Виктор приблизился вплотную к Вадиму, который только вышел из аудитории, и с извиняющимся видом пожав плечами, пытался засунуть в сумку зачётку с пятёркой, однако от толчка потерял равновесие и чуть не упал, упершись в стену.

– Ты чего полез, умный? – Виктор подошел ещё ближе, и чтобы подняться, Вадиму нужно было протиснуться между стеной и рельефом качка.

– Мужик, ты чего, ты же сам опоздал, всё равно бы не зашел без профессора.

– Не твоя очередь – не лезь, понял, счастливчик, а то я тебе счастье... укорочу.

Виктор усмехнулся удачно найденному слову, пихнул Вадима грудью, чтобы тот ещё раз стукнулся о стену и под вялые реплики одноклассниц «Витя, не надо, Витя, успокойся» зашёл в аудиторию.

Ну да, он не боец, этот Вадик. В драку не полез, но как он странно смотрел на удаляющегося Виктора, совершенно спокойно, чуть опустив голову на бок, как будто наблюдая и что-то прикидывая. Затем хмыкнул, увидел свою открытую сумку и наконец-то засунув в нее зачётку, направился по коридору. Надя догнала его перед выходом на лестницу.

– Ну, и что ты ему сказала, своему кавалеру недоделанному? – спросила Светка, вынув из пакета руку с трепещущим бутонем чипсов. Они с Танькой видели эту безобразную сцену, стоя перед аудиторией, и теперь необходимо было узнать все подробности, чтобы составить информированное мнение о произошедшем.

– Да ничего особенного, и совсем он не недоделанный. Сказала, что Виктор идиот, и не надо брать в голову.

– Да, идиот, это точно, – серьёзно подтвердила Танюха.

– Ну, и спросила, пойдёт ли на новый год.

– Ну, и как? Пойдёт?

– Да, – и Надя улыбнулась.

Танюха и Светка переглянулись.

– Ты думаешь, он уже... готов? – спросила Таня.

– Да, идите вы.

Странный он, этот Вадим. Когда Надя догнала его, то сразу увидела, что спокойствие было деланным: губы злобно поджаты, глаза презрительно сужены. Первое, что он сказал было: «Ты слышала, он хочет укоротить мое счастье?» – «Да, он debil...» – «Никто не сможет укоротить мое счастье» – и это говорилось уже каким-то страшным, похожим на шипение шёпотом. «Да, это тупость какая-то, ты что, это слова просто» – «Ну да, слова.»

Вадим, как будто опомнившись, отвернулся и перевёл дыхание. Надя, сначала напуганная, тоже успокоилась.

– Ты же пойдешь к Танюхе, на новый год?

– Да, да, – и Вадим вдруг быстро заговорил, – да, помнишь, что я тебе говорил, год назад, помнишь? Так вот, я хотел тебе сказать. У меня сошлось!

Не всё, что Вадим говорил ей на той эпохальной пьянке, Надя готова была передать подругам. После танцев он и она, уже довольно кривые, оказались за закрытой дверью спальни, и там начался, вроде как, стандартный романтик. Она спросила, кто он по знаку зодиака, а он засмеялся и сказал, что это чушь. Ну, а она сказала, что многие так считают, но

иногда знак соответствует характеру. Тогда он сказал, что она его неправильно поняла, и это чушь, потому что люди, которые говорят об астрологии, совершенно не понимают, о чем они говорят. Он же относится к этому очень серьёзно. А по знаку зодиака он Змееносец. Тогда Надя сказала, что такого знака нет, на что он сказал: «Вот видишь, ты тоже не знаешь много чего». Надя спросила, не хочет ли он узнать её знак, а он сказал что, что бы она ни сказала, это будет неправильным, лучше пусть скажет свой день рождения.

– Ты же не задумывалась, ну, так чтобы серьёзно, почему предсказания всякие, гороскопы на день, на неделю – почему они почти никогда не сбываются?

– Ну, бывает, что сбываются.

– Процент-то ничтожный. А когда это всё было изначально придумано?

– Сто лет назад?

– Сто! Две тысячи. Это же всё про то, как звёзды, Луна и Солнце расположены на небе в определённый момент времени. Времени, понимаешь. А как люди измеряли время тысячу лет назад? – спросил Вадим и тут же ответил себе сам, – Да, чёрт его знает, как! Вот в книге тысячелетней давности написано, что второго ноября тысяча сто пятого года Луна находится в созвездии Весов. Ну да, она там находится, но по сегодняшнему календарю это может быть не второе ноября, а второе декабря, месяцы разницы, понимаешь. А все эти бандерлоги-астрологи берут и переносят тот древний кален-

дарь на сегодняшний, понимаешь.

– А Нострадамус. Он же все чётко предсказывал.

– Да, чётко, но у него масштабы – годы, столетия, в этих масштабах можно более менее попасть. А вот чтобы точно сказать будет ли у Нади Резинкиной сегодня удачный день или лучше вообще из дома не выходить, вот это задача. Для этого нужно пользоваться именно тем календарём, который был, когда жили предки Нострадамуса.

– Ну, наверное, вообще невозможно предсказать с точностью до дня.

Вадим усмехнулся:

– Можно и до часа, и до минуты. Все зависит от того, каким календарём, и главное какими часами пользуешься.

Надька слушала внимательно глядя в его глаза, посвёркивавшие в полутёмной комнате. С ним было интересно и уютно, и возможно, даже будет хорошо.

За закрытой дверью продолжалось поглощение спиртного, и стоял плотный ржач. Она придвинулась к нему ближе, подвернула под себя ноги, и наклонилась, чуть коснувшись грудью в мохнатой кофточке его предплечья. Сигнала было достаточно, Вадим быстро положил жвачку на стол и, легко притянув к себе её голову, долго поцеловал.

Однако, дальше ничего не произошло. Хотя в комнату никто не ввалился, а ржач и громкая возня за дверью продолжались ещё долго. Вадим, вскочив, ходил по комнате и нёс какую-то чушь про сакральность момента, и что надо сначала

ла всё хорошенько посчитать, и что она не должна на него обижаться, потому что это всё из-за заботы о ней же. Ведь у людей проблемы из-за того, что они легкомысленно относятся к близости, теряют энергию на неправильных людей, за зря, и что Надюха ему очень важна, поэтому ещё рано.

А Надя всё это время сидела, опираясь о край кровати плотно прижатыми к телу руками, закинув ногу на ногу, глядела в пол, и думала, что она скажет Танюхе и Светке, которые видели, как они с Вадимом ушли вместе. А потом поднялась, натянула Танькины тапки и, быстро проходя к двери, сказала: «Да, ты молодец». Вадим наклонился и попытался поймать её губы, но она отвернулась, и он только коснулся волос около уха. Надя вышла за дверь, думая, что он конечно интересный, но эти сакральные заходы – чересчур. Она была разочарована таким завершением вечеринки, тем более хмель, который был приятен вместе с желанием, теперь стал тупым и неприятным. Надюха оделась, преодолевая качку, в которой болтались одноклассники со столом, холодильником и прочей мебелировкой крошечной Танькиной секционки, и уехала домой, с отвращением понимая, что теперь вечер наверняка закончится вертолётами и эмалированным тазиком.

А потом были новогодние каникулы и лыжи с плюшками и Слава из параллельной группы безо всяких заморочек, с которым можно было обсудить вопросы шопинга, брендов и прочего бреда. Слава демонстрировал здоровое отношение к

возможности провести ночь с девушкой, которой до ужаса не хочется быть в новый год одной или в обществе развесёлых подруг, благополучно устроивших свою личную жизнь.

А потом прошли полгода и год, и была ещё пара приятных мальчиков. Помимо замечательно сложенной фигурки в Надином арсенале было также симпатичное личико с распахнутыми глазами, которое и без макияжа было милым, а после теней, карандаша и помады приобретало магнитные свойства для мужских глаз. Рост её был не сильно высоким, чтобы пугать неуверенных, и не сильно низким, чтобы вызывать игнор амбициозных парней. Дефицита внимания она не испытывала, поэтому совершенно искренне не понимала, когда менее привлекательные подруги делились с ней личными проблемами, но это непонимание не мешало ей так же искренне им сочувствовать и изо всех сил стараться их развеселить и настроить на позитив.

Иногда Надя ловила на себе внимательный взгляд Вадима, который появлялся только на сессии, и непонятно, чем занимался между. Когда она видела его, и вспоминала их неудачное свидание, ощущения были, как ни странно, тёплыми, и немного щемила досада от чего-то упущенного, недоговорённого и незаконченного. Пару раз они сталкивались нос к носу, но поговорить не получалось, потому что Надя от непонятного внезапного смущения не находила сразу неприкрытых слов, а Вадим постоянно куда-то спешил и скрывался с извиняющимся взглядом, кинув «привет».

И вот спустя год, увидев как Вадим сцепился с Виктором на экзамене по философии, Надюха поняла, что она ужасно соскучилась по нему, по их тогдашнему разговору, и по ощущению простой теплоты, которую она никак не могла получить, несмотря на то, что совсем не страдала от одиночества.

«Он сказал, что у него всё сошлось, вот чудик», – думала Надя и улыбалась в ожидании вечеринки.

ТРЕТЬЯ

Черепаша

Через неделю после экзамена по философии накануне нового года случилась пьянка у Танюхи. Она была не такая безбашенная как раньше: кто-то был уже по парам, а кто был без – завидовал спарившимся и грустил.. Те же, кто недавно с кем-то встречался да расстался, до последнего момента не знали и тщательно взвешивали, идти или нет, ведь всё зависело от того, пойдет ли бывший, с которым – или которой – «я не то, что пить, вообще рядом... не сяду». Кроме того, многие должны были с утра ехать по домам в разные городишки за пару сотен километров от центра, встречать новый год с родителями, поэтому утром надо быть огурцом и верить, что в новогоднюю ночь всё восполнится.

Надька всё ждала Вадима, и беспокоилась, как он поведёт себя с Виктором, который был тут же, притаился, несмотря на то, что Танюха его совсем не звала, а он усиленно, под влиянием новогодней романтики и воспоминаний об утраченной фигуристкой собственности, со всех сторон к ней подкатывал. Он припёр с собой заготовленный прикол про северных оленей и теперь радостно им щеголял.

– Вот олени Санта Клауса, Рудольф есть такой, олень. Они все с рогами да? А, между прочим, олени, северные, сбра-

сывают рога в ноябре, поэтому к новому году они должны быть лысые, а у Санта Клауса они почему-то все рогатые. А не сбрасывают рога, знаете кто?

Все замолчали в ожидании сальности с заранее растянутыми улыбками.

– Только самки или кастрированные. Кастрированный Рудольф. Ха-ха, или он вообще – самка.

И Виктор ржал.

– Короче везде пендосовские темы, даже Кристинас с оленем трансвеститом!

Компания, сильно желающая поскорее себя развеселить, присоединялась к смеху юмориста.

Было скучновато, и Надя очень обрадовалась, когда наконец-то появился Вадим.

– А вот и наш счастливчик, – закричала Танюха, – и побежала целоваться.

Лицо Вадима было серьёзным, и как будто совершенно не тронуто новогодним настроением. Он осмотрел комнату и нахмурился, увидев Виктора, который нахмурился в ответ и упёр руки-в-боки, стараясь занять как можно больше пространства.

– Надюха, вот и твой кастрированный олень пришел.

– Витя, ну блин, перестань, новый год, не порть.

Вадик не обратил внимания на «кастрированного оленя», улыбнулся, увидев Надю, поманил, и когда та подошла, увлёк её в коридор. Дверь захлопнулась, и они оказались тесно

прижатыми друг к другу на выстуженной лестничной площадке. Он дёрнул вниз молнию куртки, накинул её на девушку, прижимая к себе плотнее и обнимая за талию. Это произошло в течение секунды, быстро и привычно, как будто они всё время встречались этот год, и он был её парнем. Она чувствовала именно так, естественно, и не сопротивлялась, и сладкое нахлынувшее на неё чувство было почему-то страшно знакомым. Ей было уютно, спокойно и тепло.

– Надя, я сейчас тебе скажу что-то очень важное, и ты должна согласиться.

– Хорошо, – соглашаться с ним было легко.

– Мы должны встретить этот новый год вместе.

– Хорошо, мы и так вместе, ты же зайдёшь, или как?

– Нет, ты не поняла. Вместе – вдвоём, с тридцать первого на первое, я тебя приглашаю завтра ко мне. Мы встретим новый год вместе, – повторил Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.